

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Сезон 2

«ПАРАДОКС ВЫБОРА»

Александра Венглинская

Сезон 2 · материалы № 11–21 из 233 · цикл I

СОДЕРЖАНИЕ

1. Каждый его приказ нуждался во второй подписи. Без неё он был ничем
2. Белый генерал учил красных командиров тому, как он их бил
3. Из ста командармов Красной армии изменили пятеро
4. Одна подпись — за отречение. Другая — за Красную армию
5. Телеграмма кайзеру в 1918-м, мундир рейха в 1944-м, петля в 1947-м
6. Орден Святого Владимира и орден Ленина на одном кителе
7. Победу на Халхин-Голе делали четверо. Троих потом вычеркнули
8. Один прошёл тюрьму и отказался. Другой не проходил и согласился
9. Райская группа: как несогласие обезвредили почётом
10. Пятеро его подчинённых стали маршалами. Он остался командармом
11. Трое суток, за которые не отдали ни одного приказа

Каждый его приказ нуждался во второй подписи. Без неё он был ничем

№ в серии: 11 из 233 · № в сезоне: 1 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 09.08.2026 · ЖЖ: 13.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора

6 апреля 1918 года народный комиссар по военным делам Лев Троцкий подписал «Положение о военных комиссарах, членах военных советов». С этого дня приказ командира Красной армии без второй подписи — комиссарской — не действовал. Тысячи из тех, кто эту подпись над собой получил, ещё недавно носили погоны той армии, которую большевики называли контрреволюционной.

Первый сезон этой серии заканчивается сословием, которое получило права без обязанностей и на этом основании себя разрушило. Второй начинается с прямо противоположной конструкции: обязанность без права на доверие.

Разница стоит того, чтобы задержаться на ней перед тем, как сезон начнётся.

ДВОРЯНСТВО И ВОЕНСПЕЦ: ДВА ОТВЕТА НА ОДИН ВОПРОС

Вопрос, вокруг которого выстроена вся эта серия, один: что делает служилый слой со страной, когда страна меняет форму.

Дворянство 1762 года получило ответ в виде манифеста: служить больше не обязательно, права остаются. Сто пятьдесят пять лет спустя, когда стране понадобилась защита, отвечать оказалось некому — сословие давно перестало быть тем, что защищает.

Номенклатура прошла тот же путь короче: получила права без обязанностей уже внутри советского проекта — и, как разобрано в первом сезоне, обменяла государство на личное благополучие, когда государство стало этим правам мешать.

В обоих случаях конструкция одна: право отделяется от обязанности, и слой, у которого есть первое без второго, рано или поздно распоряжается страной как собственностью.

Второй сезон открывает случай, где эта конструкция перевёрнута.

ДВУНАЧАЛИЕ

К весне 1918 года у новой власти было армии почти не было, а офицерский корпус старой — почти весь, до полумиллиона человек с профессиональной подготовкой, которую нельзя было получить иначе, чем через двадцать лет службы.

Взять их означало взять людей, у которых не было ни одной классовой причины быть лояльными. Не взять — остаться без Генерального штаба, без штабной культуры, без людей, умеющих водить армии, а не только полки.

Решение приняли обоюдоострое.

Положение от 6 апреля 1918 года вводило институт военных комиссаров при каждом военном специалисте на командной должности. Комиссар не подчинялся командиру и не заменял его — он стоял рядом. Оперативные и боевые распоряжения командира становились действительными только с его подписью.

Двумя месяцами позже, на первом съезде военных комиссаров, за комиссаром закрепили и крайнюю меру: в боевой обстановке при явной измене или невыполнимом промедлении командующего он получал право принять командование единолично.

Итог простой и жёсткий. Военного специалиста обязали служить. Права распоряжаться этой службой без чужой подписи ему не дали.

СОРОК ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ

Сколько их было — вопрос, к которому эта серия ещё вернётся отдельно, с именами и должностями. Пока — только порядок цифры.

По подсчёту Алексея Кавтарадзе, наиболее полному и документированному из существующих, в рядах Красной армии в разные годы Гражданской войны служило порядка сорока восьми с половиной тысяч бывших офицеров русской императорской армии. В это число не входит ряд категорий, и верхние оценки по другой методике доходят до семидесяти-семидесяти пяти тысяч.

Кем бы ни считать нижнюю границу — сорок восемь тысяч человек с профессиональной военной подготовкой пришли служить власти, которая не доверяла им ни одной подписи без проверки.

Об этом подробно — в следующем материале, где счёт идёт по самому верхнему эшелону: из ста человек, командовавших армиями в Гражданскую, восемьдесят два были военными специалистами старой школы.

ЧТО ЗДЕСЬ ИСПЫТЫВАЛИ НА САМОМ ДЕЛЕ

Дворянство после 1762 года испытывало то, что случается со слоем, которому перестали задавать вопросы. Номенклатура — то же самое, только полвека спустя и в других декорациях.

Военспецов испытывали иначе — вопрос им задавали каждым приказом, требующим второй подписи. Институт двуначалия был откровенным недоверием, оформленным в делопроизводство: ты можешь командовать, но не в одиночку, и не потому, что мы сомневаемся в твоём умении, а потому, что не знаем, на чьей ты стороне, пока не увидим этого в бою.

Это не то же самое, что заложничество семей, о котором говорят отдельно и справедливо жёстко. Заложничество удерживает тело. Двуначалие — другое: оно не позволяет забыть, что доверие ещё не выдано и заслуживается заново каждым распоряжением.

Если у дворянства и номенклатуры отношения с государством начинались доверием и заканчивались изменой, то у офицеров, ставших

военспецами, всё было в обратном порядке: начиналось с презумпции измены — а чем закончилось, разбирает этот сезон.

Остаётся вопрос, с которого я начинаю второй сезон.

Институт, построенный на недоверии, теоретически должен производить худшую службу, чем институт, построенный на праве и привилегии, — раздражённых исполнителей вместо преданных сторонников. На бумаге это звучит убедительно.

Второй сезон покажет: сорок восемь тысяч человек, которых обязали служить, не дав им права быть выше подозрения, в среднем воевали не хуже тех, кому доверяли безоговорочно. А слой, которому доверяли безоговорочно, — дворянство, а затем номенклатура, — оба раза кончил тем, что предал.

Значит ли это, что недоверие — лучший фундамент для службы, чем право? Или дело не в доверии вообще, а в том, что́ именно человек защищает, когда решает остаться, — страну или своё место в ней?

У меня нет короткого ответа. Но именно вокруг него выстроен весь сезон, который начинается следующим материалом: генерал-лейтенант белой армии, обучавший на своих лекциях тех самых красных командиров, которые двумя годами раньше его же и били.

Первый материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — белый генерал, обучавший красных командиров тому, как он их бил.

Белый генерал учил красных командиров тому, как он их бил

№ в серии: 12 из 233 · № в сезоне: 2 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 10.08.2026 · ЖЖ: 15.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора

11 ноября 1921 года к причалу севастопольской бухты швартуется итальянский пароход «Жан». По трапу на берег красной России сходит генерал-лейтенант Яков Слащёв — тот самый Слащёв-Крымский, что двумя годами раньше держал против красных Крым и вешал красных в Крыму, не спрашивая суда. На пирсе группу встречают сотрудники ВЧК.

Амнистия объявлена восемь дней назад.

Постановление ВЦИК от 3 ноября 1921 года распространялось на рядовых участников белых армий. Слащёв рядовым не был. Он был генерал-лейтенантом, командовавшим обороной полуострова, и в Севастополе у каждого второго встречного мог найтись к нему личный счёт.

Цену этой бумаги он назвал сам, ещё в Константинополе: никакая охранная грамота не поможет, если на улице его встретит и узнает кто-нибудь из тех, у кого он расстрелял или повесил в Крыму близкого человека.

Оговорю статус: слова эти дошли через мемуарную традицию, в записи чекиста Фомина. Это характеризующее свидетельство, а не документ, и я привожу его именно так.

Он сошёл по трапу.

ЧТО ОН ОСТАВИЛ ПОЗАДИ

К ноябрю 1921 года возвращаться ему было почти не к чему и по ту сторону.

В эмиграции, в Константинополе, Слащёв вступил в острый конфликт с Врангелем — главнокомандующим, под чьим началом он оборонял

Крым. Итог конфликта: увольнение со службы и суд чести.

Человек, получивший за оборону полуострова почётную приставку к фамилии, оказался в чужом городе без армии, без должности и без своего круга.

Дальше начинается то, чего его прежний лагерь не простил ему никогда.

ЛИЧНЫЙ ПОЕЗД ДЗЕРЖИНСКОГО

В Москву Слащёв выехал не под конвоем. Он выехал в личном поезде Феликса Дзержинского.

23 ноября 1921 года «Известия» опубликовали официальное правительственное сообщение о возвращении группы.

С июня 1922 года бывший белый генерал — преподаватель тактики Стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава РККА «Выстрел». Курсы размещались в Лефортове, в Екатерининском дворце; преподаватели жили рядом, на Красноказарменной.

И вот главное, ради чего этот сюжет вообще стоит рассказывать.

Среди разбираемых им на занятиях операций были его собственные крымские действия. То есть он объяснял красным командирам, как он их бил, — по шагам, с картой, с разбором собственных решений.

В аудитории сидели люди, воевавшие против него лично. Часть из них через двадцать лет станет маршалами Великой Отечественной.

Работал он всерьёз, и это тоже документируется. В 1924 году вышла его книга «Крым в 1920 году. Отрывки из воспоминаний». Дальше — статьи в профессиональной печати: «Манёвр как залог победы» в журнале «Выстрел» в 1926-м, «Борьба с десантами» в «Войне и революции» в 1927-м, «Мысли по вопросам общей тактики» в 1929-м.

Последняя работа вышла в год его смерти.

УТРО 11 ЯНВАРЯ 1929 ГОДА

В этот день Слащёв, никого не предупредив, не явился на занятия.

Его застрелили в собственной комнате при школе, в доме на Красноказарменной. Стрелявшего задержали на месте. Он назвал фамилию — Лазарь Львович Коленберг — и тут же дал подробные признательные показания: он мстил за брата, казнённого, по его словам, по распоряжению Слащёва в Крыму в 1920 году.

Убийца известен, задержан и сознался в первый же час.

Следствие шло полгода.

Сначала им занялось ОГПУ — не исключалась политическая подоплёка. Затем материалы ушли в Московскую губернскую прокуратуру, которая признала убийцу невменяемым и вернула дело обратно. После дополнительной проверки было вынесено окончательное заключение: психиатрической экспертизой Коленберг признан невменяемым в момент преступления.

Дело прекратили и сдали в архив. Коленберга выпустили на свободу.

ЗДЕСЬ Я ОБЯЗАНА ОСТАНОВИТЬСЯ

Из этой развязки естественно вырастает версия о заказном характере убийства. Её высказывают, и основания у неё понятные: полугодовое следствие по делу с задержанным и сознавшимся убийцей, невменяемость, освобождение.

Доказательств у этой версии нет. Есть обстоятельства, которые она объясняет лучше официальной, — и это не то же самое.

Оставляю вопрос открытым. Установлено: Слащёв убит 11 января 1929 года; убийца назвал мотивом личную месть; дело прекращено по невменяемости; убийца освобождён.

Семь лет и два месяца прошло между трапом в Севастополе и выстрелом в Лефортове. Ровно та цена, которую он назвал себе сам на константинопольской даче.

ТОТ ЖЕ СТАРТ, ПРОТИВОПОЛОЖНЫЙ ФИНАЛ

Чтобы поступок Слащёва не выглядел единственно возможным, рядом надо положить другую судьбу — из того же лагеря и той же катастрофы.

Пётр Николаевич Краснов, атаман Всевеликого войска Донского, писатель, кумир непримиримой эмиграции. Та же точка старта в 1917 году, тот же выбор впереди.

Он выбрал противоположное и держался выбора до конца. Сначала ставка на германские штыки ещё в 1918-м. Затем десятилетия эмигрантской непримиримости. С марта 1944 года — Главное управление казачьих войск при германском министерстве восточных оккупированных территорий, то есть формирование частей, воюющих против собственной страны.

16 января 1947 года по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР Краснов был казнён — вместе со Шкуро и другими атаманами того же пути.

Два белых генерала. Один лагерь, одна катастрофа, одна развилка.

Один вернулся под реальный риск расправы — потому что Россия для него продолжалась и под красным флагом. Другой надел мундир армии, пришедшей эту Россию уничтожать, — потому что для него Россия кончилась вместе со старой формой.

КРИТЕРИЙ, КОТОРЫЙ ЗДЕСЬ РАБОТАЕТ

Разница между этими двумя путями не в убеждениях и не в биографии. Она в одном вопросе, который каждый из них решил для себя сам.

Есть лояльность к форме власти — к режиму, к порядку, при котором человек занимает своё место. В обычное время она неотличима от всякой другой.

И есть лояльность к дрящемуся телу страны, независимо от того, какую форму оно в данный момент приняло.

Различаются они только в момент, когда форма рушится. Первая рушится вместе с ней. Вторая — нет.

Отсюда и граница, без которой этот тезис стал бы оправданием чего угодно: служить наличной форме можно ровно до тех пор, пока она сохраняет страну, а не упраздняет её. Военспец 1918 года служил новой власти, потому что она, при всей чуждости, страну собирала. Краснов 1944 года служил той, которая её уничтожала.

Один критерий. Два противоположных ответа.

Остаётся вопрос, и я задаю его всерьёз, потому что своего ответа у меня нет.

Слащёв вешал. Это установлено, он этого не отрицал, и брат Коленберга — если версия убийцы верна — погиб по его распоряжению.

Можно ли считать своим человека, который убивал твоих, — если он вернулся служить твоей стране и служил ей до последнего дня? Проходит ли граница по поступку или по крови?

Красная Россия ответила на это утвердительно: дала амнистию, поезд, кафедру. Прежний лагерь ответил проклятием.

Своё имя он, к слову, так и не отстоял. В памяти он остался под чужим — генералом Хлудовым из булгаковского «Бега».

Второй материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — он был не один. Сколько офицеров императорской армии на самом деле служило в Красной, и сколько из них ей изменили — цифра неудобна обеим сторонам спора.

Из ста командармов Красной армии изменили пятеро

№ в серии: 13 из 233 · № в сезоне: 3 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 12.08.2026 · ЖЖ: 17.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Несокрушимая и легендарная

17 октября 1918 года приказом Реввоенсовета Республики номер 441 командующим морскими силами Советской России был назначен Василий Михайлович Альтфатер. Контр-адмиральский чин он получил ровно год и семь дней назад — 10 октября 1917 года, от императорского флота, которого к моменту назначения уже не существовало.

Разберём, кто это был, потому что биография здесь и есть аргумент.

Василий Альтфатер родился в Варшаве в семье генерала от артиллерии Михаила Егоровича Альтфатера — члена Государственного совета Российской империи. Морской кадетский корпус окончил в 1902 году, гидрографический факультет Морской академии — в 1908-м. Прошёл русско-японскую войну, затем мировую. С 1912 года служил в Морском генеральном штабе, а к Февралю 1917 года был оперативным руководителем Балтийского флота.

Иначе говоря: потомственный дворянин, сын сановника империи, кадровый контр-адмирал, элита военной элиты. Человек, у которого не было ни одной классовой причины идти к красным и были все причины уйти к белым.

Приказом РВСР номер 440 от 15 октября 1918 года он вошёл в Реввоенсовет Республики. Через два дня, приказом номер 441, принял морские силы.

Прослужил он недолго. В ночь на 20 апреля 1919 года Альтфатер скоропостижно умер в Москве от инфаркта и был похоронен на Новодевичьем.

СРАЗУ ОБ ОДНОЙ ВЕРСИИ

Немецкий генерал Макс Гофман, участник брестских переговоров, в своих мемуарах утверждал, что Альтфатер был убит.

Это мемуарное утверждение заинтересованной стороны, и документальной опоры у него нет. Причина смерти документируется как сердечная. Версию называю, потому что она существует, и не использую, потому что подтверждения ей нет.

ОН БЫЛ НЕ ОДИН

После Альтфатера морские силы Республики принял Евгений Андреевич Беренс — в апреле 1919 года. После Беренса, с февраля 1920-го, — Александр Васильевич Немитц. Оба кадровые контр-адмиралы императорского флота.

Морской Генеральный штаб перешёл на сторону советской власти практически в полном составе.

На суше картина та же. Начальником Полевого штаба, а затем Штаба РККА с 1919 года по апрель 1924-го был Павел Павлович Лебедев — генерал-майор Генерального штаба императорской армии, потомственный дворянин Чухломского уезда Костромской губернии. Именно он построил советский Генеральный штаб как институт.

А дальше идёт список, который стоит прочесть целиком.

Начальники Штаба РККА: Лебедев — 1921–1924, генерал-майор Генштаба. Фрунзе — 1924–1925, единственный не из старой армии, но штабную работу при нём вели военспецы. Тухачевский — 1925–1928, поручик лейб-гвардии. Шапошников — 1928–1931, полковник Генштаба. Егоров — 1931–1937, полковник. Затем Шапошников вторично, 1937–1940.

С 1921 по 1937 год Генеральный штаб Красной армии возглавляли исключительно бывшие офицеры императорской армии.

Уберите их из истории — и не будет ни советской военной школы, ни Победы 1945 года.

СКОЛЬКО ИХ БЫЛО

Здесь начинается спор о цифрах, и я обозначу его честно.

Классический документированный подсчёт принадлежит Алексею Кавтарадзе — «Военные специалисты на службе Республики Советов», Москва, 1988 год. Его результат: около сорока восьми с половиной тысяч бывших офицеров русской армии в РККА, причём ряд категорий в этот счёт не входит.

Верхние оценки, полученные по другой методике учёта, доходят до семидесяти и семидесяти пяти тысяч — то есть до трети императорского офицерского корпуса и более.

Спор методик я не решаю и беру нижнюю границу. Её достаточно: сорок восемь тысяч кадровых офицеров, включая цвет Генерального штаба, строили армию нового государства.

Есть счёт точнее, и он по верхнему эшелону.

Из ста человек, командовавших в Гражданскую войну армиями, военными специалистами были восемьдесят два. Из них кадровыми — шестьдесят два. Среди начальников штабов армий бывшие кадровые офицеры составляли около восьмидесяти трёх процентов, и почти полсотни из них были генштабистами.

Это не вкрапление старых кадров в новую армию. Это её несущая конструкция.

ПЯТЕРО

Теперь цифра, неудобная обеим сторонам позднейшего спора и потому обходимая обеими.

Из этих ста командармов советской стороне изменили — перешли к белым или подняли мятеж — пятеро.

Пять процентов. У людей, которых принято считать заложниками обстоятельств, с семьями в руках новой власти и комиссаром за спиной.

ДВА ОБЪЯСНЕНИЯ, И ОБА НЕ РАБОТАЮТ

Классовое. Офицеры-де пошли к красным, потому что обеднели, выслужились из низов, поместий не имели и терять им было нечего.

Проверяется именами за одну минуту. Альтфатер — сын члена Государственного совета. Лебедев — потомственный дворянин Костромской губернии. Беренс и Немитц — кадровые контр-адмиралы. Алексей Поливанов — бывший военный министр Российской империи. Александр Свечин — генерал-майор, автор «Стратегии».

Это не обиженный плебс. Это верхушка военного сословия, у которой как раз были все классовые основания уйти к белым.

Принудительное. Их-де загнали угрозой расправы над семьями и держали под комиссарским надзором.

Заложничество и надзор действительно существовали, отрицать это нечестно. Но они объясняют, почему офицер не дезертировал, — и не объясняют, почему он воевал хорошо, инициативно и до конца.

Возможностей на фронте было предостаточно: перейти линию, сдаться, отстать при отходе. Напуганный и принуждаемый человек использует первую же.

Принуждение удерживает тело. Оно не рождает той штабной самоотдачи, которая выиграла Гражданскую войну для красных.

ЧТО ОСТАЁТСЯ

Остаётся объяснение, которое проверку выдерживает.

Есть лояльность к форме власти — к режиму, к порядку, при котором человек занимает своё место. В спокойное время она неотличима от всякой другой.

И есть лояльность к дряхлеющему телу страны — независимо от того, какую форму оно в данный момент приняло.

Различаются они только в момент, когда форма рушится. Первая рушится вместе с ней. Вторая — нет.

Для этих людей вопрос о существовании страны оказался старше вопроса о форме власти. Форма сменилась, обязанность защищать

осталась, и носители обязанности перенесли её в новую форму, не дожидаясь, пока та докажет им свою законность.

Остаётся вопрос, и он открыт.

Сорок восемь тысяч человек сделали этот выбор, а сотни тысяч их сослуживцев уехали. Разница между ними — не в происхождении, не в чине и не в достатке: и там и там были дворяне, генералы и георгиевские кавалеры.

Можно ли вообще заранее сказать, кто как выберет? Или единственный способ узнать это про человека — дожидаться момента, когда рушится форма, и посмотреть?

У меня ответа нет. И подозреваю, что его нет и у самих выбиравших — до того дня, когда пришлось выбрать.

Третий материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — человек, который в марте 1917-го высказался за отречение императора, а в мае 1920-го подписал воззвание с призывом идти в Красную армию. Один человек, две подписи, три года между ними.

Одна подпись — за отречение. Другая — за Красную армию

№ в серии: 14 из 233 · № в сезоне: 4 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 14.08.2026 · ЖЖ: 19.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Несокрушимая и легендарная

30 мая 1920 года «Правда» напечатала воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» — призыв забыть прежние обиды и идти в Красную армию защищать страну от польского наступления. Под воззванием стояла подпись Алексея Алексеевича Брусилова, автора прорыва 1916 года и последнего Верховного главнокомандующего императорской армии.

Три года и три месяца назад тот же человек поставил подпись прямо противоположного смысла.

2 марта 1917 года, командуя Юго-Западным фронтом, Брусилов высказался за отречение императора — вместе с другими командующими, к которым обратились из Ставки.

Один человек. Одно сословие. Две подписи, между которыми три года.

Стоит напомнить, кто это был, потому что вес подписи здесь решает всё. Генерал от кавалерии с 1912 года, генерал-адъютант с 1915-го. Автор наступления Юго-Западного фронта летом 1916 года — единственной операции мировой войны, вошедшей в историю под именем своего командующего. С 22 мая по 19 июля 1917 года — Верховный главнокомандующий русской армии.

К 1920 году это было самое известное живое военное имя России, и по обе стороны фронта это понимали одинаково.

Что произошло в этом промежутке — вопрос, ради которого стоит разбирать его биографию, а не только даты.

ЦЕНА БЫЛА ВНЕСЕНА РАНЬШЕ ВЫБОРА

У Брусилова был единственный сын — Алексей Алексеевич Брусилов-младший, штабс-ротмистр лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. В 1919 году он командовал кавалерийской бригадой в Красной армии.

В том же году он попал в плен к белым.

Здесь я обязана остановиться и развести версии, потому что бесспорной картины нет.

Большинство исследователей считает, что Брусилов-младший был захвачен частями Добровольческой армии и расстрелян; указывают и на возможные обстоятельства — станция Золотарёво под Орлом, октябрь 1919 года, вместе с чинами штаба красного генерала Станкевича, которого повесили. По другой версии, не имеющей убедительных подтверждений, он перешёл к белым рядовым и вскоре умер от тифа.

Сам отец был убеждён в первом: что сына казнили, когда белые его опознали.

Что здесь документируется твёрдо — так это правило, при котором такой исход был закономерен. 27 ноября 1918 года Деникин издал приказ, грозивший суровым и беспощадным военно-полевым судом всем офицерам, служащим в Красной армии и не перешедшим добровольно на сторону белых. Приказ этот в деникинских армиях исполнялся.

Так или иначе, к 1920 году Брусилов был человеком, потерявшим единственного сына на той войне и на той стороне, к которой в итоге пришёл сам.

Личная цена оказалась внесена раньше самого выбора.

ВЕСНА 1920-ГО

После Октября немолодой и больной генерал несколько лет жил в Москве частным лицом. Никаких должностей он не занимал и никого ни к чему не призывал.

Поводом стало внешнее нашествие.

Весной 1920 года польская армия наступала на Украине. Брусилов по собственной инициативе — не по назначению и не по просьбе — создал и

возглавил Особое совещание при главнокомандующем всеми вооружёнными силами Республики. Цель его он видел в выработке мер против иностранного вторжения.

30 мая появилось воззвание.

Имя сработало как камертон. В военкоматы в первые же дни явились тысячи офицеров, прежде уклонявшихся от службы.

Здесь надо понимать механику. Этим людям не предлагали ни карьеры, ни жалованья, ни безопасности — им предлагали пойти служить власти, которая три года назад лишила их всего. Единственным, что перевешивало, была подпись под текстом: если Брусилов зовёт, значит, речь идёт не о партии, а о стране.

Сам он никакой командной должности за это не получил и не искал: его положение оставалось скорее советническим. В 1923 году он был назначен главным инспектором кавалерии Красной армии.

Ответ прежнего круга был мгновенным и предсказуемым. Для непримиримой эмиграции это была измена: «изменил России, предал народ Брусилов», — писали о нём.

В остроте обвинения — мера поступка. Никто не бранится так на человека, чей голос ничего не значит.

МЕСТО, ГДЕ ВСЁ УСЛОЖНЯЕТСЯ

А теперь то, без чего этот материал был бы недобросовестным.

Брусилов оставил мемуары. Первый том, о службе в императорской армии, многократно издавался в СССР. Второй — о жизни после Октября — записан его женой Надеждой Брусиловой-Желиховской со слов мужа в 1925 году в Карловых Варах.

Вдова уехала из Советской России в 1930 году, вывезла архив и рукопись и в 1932 году передала их в Русский заграничный исторический архив в Праге.

Второй том носит резко антибольшевистский характер — с прямыми негативными оценками руководителей революции.

Последствие было соответствующим: имя Брусилова почти на тридцать лет исчезло из советских военных учебников и исторических книг. В 1961–1962 годах Главное архивное управление при Совете Министров СССР заказало лингвистическую и графологическую экспертизу рукописи, после чего имя вернули.

Спор о подлинности и об авторстве второго тома я не решаю и решать не берусь. Скажу только, что он существует и что он серьёзный.

ПОЧЕМУ ЭТО НЕ ОТМЕНЯЕТ 1920 ГОД

И вот здесь — правило, которым я пользуюсь во всей серии.

Твёрдо, как факт, утверждаются поступки и документы. Мотивы, настроения и позднейшие переживания остаются открытым вопросом всюду, где не подтверждены прямо.

Воззвание 30 мая 1920 года напечатано. Особое совещание создано по его инициативе. Тысячи офицеров пришли в военкоматы после его подписи. Всё это установлено независимо от того, что он думал о большевиках наедине с женой пять лет спустя.

Поступок и мнение — разные вещи, и они могут расходиться в одном человеке.

Более того: если второй том подлинный, поступок 1920 года становится не слабее, а сильнее. Человек, не любивший новую власть, всё равно позвал офицеров защищать страну, когда на неё шли извне. Это и есть различие, вокруг которого строится вся серия: лояльность форме власти — одно, лояльность длящемуся телу страны — другое.

Брусилов умер 17 марта 1926 года в Москве, от воспаления лёгких, семидесяти двух лет. Похоронен со всеми воинскими почестями на Новодевичьем.

Остаётся вопрос, и я задаю его без готового ответа.

Что весит больше — поступок или позднейшее слово?

Если человек сделал шаг, изменивший тысячи чужих судеб, а потом наедине сказал, что думает обо всём этом иначе, — каким считать его

выбор? Тем, что он сделал, или тем, что он сказал?

Русская история XX века задаёт этот вопрос постоянно, и на разных её этапах на него отвечали противоположно: сначала имя вычеркнули из-за слова, потом вернули после экспертизы.

Тридцать пять лет между его смертью и возвращением имени в учебники — это и есть цена, которую та эпоха назначила за расхождение между поступком и словом.

Мой ответ — по поступку. Но я понимаю, почему он не единственный возможный.

Четвёртый материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — тот же лагерь, та же катастрофа — и противоположный финал. Генерал, который в 1944 году надел мундир армии, пришедшей уничтожить его страну.

Телеграмма кайзеру в 1918-м, мундир рейха в 1944-м, петля в 1947-м

№ в серии: 15 из 233 · № в сезоне: 5 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 16.08.2026 · ЖЖ: 21.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Несокрушимая и легендарная

16 января 1947 года в Лефортовской тюрьме был повешен Пётр Николаевич Краснов — генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского, автор романов и мемуаров, в 1926 году выдвигавшийся на Нобелевскую премию по литературе. Приговор вынесла Военная коллегия Верховного суда СССР. Вместе с ним казнили его племянника Семёна Краснова и генерала Шкуро.

О нобелевской строчке скажу сразу, потому что её любят приводить как аргумент.

Выдвижение на премию не значит ничего. Номинировать вправе широкий круг лиц — профессора литературы, члены академий, прежние лауреаты; номинаций каждый год десятки, и попадание в их число не есть ни признание, ни оценка. Приводить это как довод в пользу человека — приём недобросовестный.

Факт я называю, потому что он верен. Использовать его не буду, потому что он пустой.

Теперь по существу, и начать надо с 1918 года.

ТЕЛЕГРАММА КАЙЗЕРУ

Весной 1918 года Краснов был избран атаманом Всевеликого войска Донского.

Сразу после избрания он направил телеграмму германскому императору Вильгельму II: Всевеликое войско Донское как субъект международного права не считает себя в состоянии войны с Германией. В том же обращении — просьба о помощи оружием и предложение установить торговые отношения.

Идёт четвёртый год мировой войны. Германские войска стоят на русской земле. Атаман казачьего войска, генерал русской армии, сообщает противнику своей страны, что с ним не воюет, и просит у него оружия.

Логика здесь есть, и её надо назвать честно: для Краснова Россия уже кончилась. Осталась территория, на которой идёт борьба за власть, и в этой борьбе допустим любой союзник.

Это и есть развилка, о которой вся серия. С неё начинается линия, которую он проведёт до конца.

И тут же обнаруживается свойство этой линии, которое стоит отметить отдельно, потому что оно повторится через двадцать шесть лет.

Ставка на чужую силу держится ровно столько, сколько держится сама эта сила. В ноябре 1918 года Германия капитулировала, и опора, на которой стояла вся конструкция донской государственности Краснова, исчезла за несколько недель. В феврале 1919 года он оставил пост командующего Донской армией.

Три месяца между падением покровителя и падением того, кто на него поставил. Это не случайность биографии — это устройство самого выбора: тот, кто опирается на чужую армию, разделяет её судьбу и не имеет собственной опоры вовсе.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ ОДНОЙ ЛИНИИ

После поражения на Дону — эмиграция. Германия, романы, публицистика, мемуары «На внутреннем фронте», положение живого классика непримиримого зарубежья.

Дальше — 1944 год.

Краснов возглавил Главное управление казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий — ведомства Розенберга. Управление занималось формированием казачьих частей для борьбы против Советского Союза.

Андрей Шкуро в это же время ведал формированием казачьего резерва при Главном штабе войск СС.

От телеграммы кайзеру до мундира рейха — двадцать шесть лет. Это не срыв, не отчаяние и не старческая ошибка. Это одна последовательная линия, проведённая через четверть века: враг моего врага годится, каким бы он ни был.

К 1944 году «каким бы он ни был» означало армию, пришедшую уничтожить население его собственной страны.

ЛИЕНЦ

В мае 1945 года Краснов находился в Казачьем стане и был взят в плен англичанами.

28 мая 1945 года в австрийском Лиенце британское командование передало его вместе с двумя тысячами четырьмястами казачьих офицеров советской военной администрации. Этапирован в Москву, содержался в Бутырской тюрьме.

Вокруг этой выдачи существует юридический спор, и я его обозначу, а не решу. Ялтинские договорённости касались передачи советских граждан. Краснов эмигрировал в 1920 году и советским гражданином не был; то же относится к части выданных вместе с ним. Правовая сторона выдачи лиц, не имевших советского гражданства, оспаривается по сей день.

Спор этот реален и относится к международному праву. К вопросу о том, что именно Краснов делал с 1944 года, он отношения не имеет.

Формула обвинения была такой: посредством сформированных отрядов вели вооружённую борьбу против Советского Союза и проводили шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против него.

Между выдачей в Лиенце и петлёй в Лефортове прошло двадцать месяцев.

ОДИН КРИТЕРИЙ, ДВА ОТВЕТА

Теперь положим рядом две судьбы из предыдущих разборов.

Слащёв — белый генерал, оборонявший Крым и вешавший красных. В ноябре 1921 года он сошёл по трапу в Севастополе и стал учить красных командиров тому, как он их бил.

Брусилов — последний Верховный главнокомандующий императорской армии, потерявший сына на той войне. В мае 1920 года он подписал воззвание с призывом идти в Красную армию.

Краснов — та же катастрофа, тот же лагерь, та же точка старта. Противоположный финал.

Различает их не происхождение, не чин и не отношение к большевикам. Слащёв большевиков не любил. Брусилов, судя по позднейшим записям, тоже.

Различает их один вопрос, который каждый решил для себя сам: считать ли Россию кончившейся вместе с прежней формой — или считать, что она продолжается и под чужим для тебя флагом.

И отсюда же граница, без которой этот тезис стал бы оправданием любого коллаборационизма.

Служить наличной форме власти можно ровно до тех пор, пока она сохраняет страну, а не упраздняет её.

Военспец 1918 года служил новой власти, чуждой ему, — но собиравшей страну. Краснов 1944 года служил той, которая планировала её уничтожение вместе с населением.

Один критерий. Два противоположных ответа. И приговор, вынесенный не мною, а самим устройством дела: тот, кто выбрал первое, преподавал тактику будущим маршалам; тот, кто выбрал второе, кончил в Лефортове.

Остаётся вопрос, и он сегодня живее, чем кажется.

Спор о Краснове не закрыт. Требования его реабилитации поднимались в постсоветское время, памятники ему ставили и требовали снести, публичная полемика идёт до сих пор.

Аргумент защитников известен: он ненавидел режим, уничтоживший его страну, и боролся с этим режимом всеми доступными средствами.

Вопрос, на который я предлагаю ответить самим: существует ли степень ненависти к власти, при которой становится допустимым служить тому, кто пришёл убивать твой народ? И если да, то где проходит граница, — потому что Краснов, судя по всему, был убеждён, что действует в интересах России.

Мой ответ — нет, и основание я предъявила: критерий не в мотиве, а в том, что делает сила, к которой ты пришёл.

Но с этим ответом соглашаются не все, и спорить об этом придётся ещё долго.

Пятый материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — что построили те, кто выбрал остаться. Полковник императорской армии, написавший книгу, по которой училось всё советское высшее командование.

Орден Святого Владимира и орден Ленина на одном кителе

№ в серии: 16 из 233 · № в сезоне: 6 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 18.08.2026 · ЖЖ: 23.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Несокрушимая и легендарная

26 марта 1945 года в Москве умер Борис Михайлович Шапошников — Маршал Советского Союза, трижды начальник Генерального штаба. До Победы он не дожил сорока четырёх дней. В его наградном списке рядом стоят орден Святого Владимира с мечами и бантом, полученный в ноябре 1914 года, и орден Ленина, полученный в феврале 1945-го.

Тридцать лет и три месяца между двумя этими наградами. Их вручали два разных государства, воевавшие в разные войны, и получал их один и тот же человек за одну и ту же работу.

Разберём, что это была за работа, потому что здесь — ответ на вопрос, который я до сих пор в этой серии не задавала: а что, собственно, построили те, кто в 1917 году выбрал остаться?

ТИХИЙ ВЫБОР

Борис Шапошников родился в Златоусте Уфимской губернии в 1882 году. Окончил Академию Генерального штаба, служил в штабах, к 1917 году был полковником императорской армии.

Император Николай II успел наградить его пятью орденами за мировую войну: Святой Анны четвёртой степени в октябре 1914-го, Святого Владимира четвёртой степени с мечами и бантом в ноябре того же года, Святого Станислава и дважды Святой Анны — в 1916-м.

В Красную армию он перешёл в 1918 году.

Никакой драматической сцены здесь нет. Ни возвращения под расстрел, как у Слащёва, ни воззвания на всю страну, как у Брусилова. Просто человек, умевший делать одну сложную работу, продолжил делать её при другой власти.

Это самый частый вид выбора и самый незаметный. И, как выяснилось, самый результативный.

Доверие к нему росло медленно и прочно. В 1930 году Шапошников приняли в партию — без кандидатского стажа, что для бывшего полковника императорской армии было обстоятельством незаурядным. С 1932 по 1935 год он руководил Военной академией имени Фрунзе и был там профессором.

«МОЗГ АРМИИ»

В 1927–1929 годах Шапошников выпустил трёхтомный труд «Мозг армии».

Книга была о том, что такое Генеральный штаб: какова его роль, из чего он состоит, как он должен работать и чем занимается в мирное время, чтобы армия не проиграла в военное.

Написать такое мог только человек изнутри старой штабной школы — потому что школы этой в новой стране просто не было, её неоткуда было взять, кроме как из голов тех, кто её прошёл.

Главная мысль книги проста и на слух неочевидна: штаб — не канцелярия при командующем, а орган, который в мирное время делает ровно ту работу, от которой зависит исход будущей войны. Изучение вероятного противника, расчёт перевозок, планирование развёртывания, подготовка кадров — всё это либо сделано до первого выстрела, либо не сделано никогда.

Из этого следовала и кадровая мысль: штабист — отдельная профессия, которой учат годами и которую нельзя заместить храбростью и опытом строевой службы.

Как институт советский Генеральный штаб строил Павел Лебедев, потомственный дворянин и генерал-майор Генштаба империи, — об этом был предыдущий разбор. Шапошников дал ему описание: то, по чему институт можно воспроизвести после того, как уйдут его основатели.

На этой книге воспитывалось всё советское высшее командование. Прозвище «Мозг армии» с тех пор относилось уже не к тексту, а к самому автору.

Правильность выводов проверили не рецензенты. Её проверила война.

ТРИЖДЫ

Генеральный штаб Шапошников возглавлял три раза: в 1928–1931 годах, в 1937–1940-м и в 1941–1942-м.

Третий раз — самый тяжёлый. При его непосредственном участии разрабатывались операции 1941–1942 годов, включая оборону Москвы и контрнаступление под ней, Смоленское сражение, оборону Киева и Ленинграда. Именно за эту работу в феврале 1944 года он получил орден Суворова первой степени.

11 мая 1942 года, после разгрома Крымского фронта под Керчью, Шапошников был снят с поста начальника Генштаба. Сменил его Александр Василевский — человек, вышедший из той самой штабной школы, которую Шапошников описал и выстроил.

Дальше — год заместителем наркома обороны, а с июня 1943 года и до самой смерти — начальник Высшей военной академии имени Ворошилова, нынешней Военной академии Генерального штаба.

Он умер на этой должности. То есть последнее, чем он занимался, — учил.

ДВЕ ОГОВОРКИ

Первая. Про Шапошникова устойчиво говорят, что он был единственным военачальником, к которому Сталин обращался по имени-отчеству.

Это мемуарная традиция. Свидетельство характеризующее, не документальное, и я привожу его именно в таком статусе: оно говорит о репутации человека в его среде и ничего не доказывает само по себе.

Вторая. Причина смерти в источниках расходится: одни называют рак желудка, другие — туберкулёз лёгких. Умер он от тяжёлой болезни; какой

именно — по доступным мне данным однозначно не устанавливается.

Прах его помещён в Кремлёвскую стену.

ЧТО ЭТО ДОКАЗЫВАЕТ

Теперь соберём вместе то, о чём были предыдущие разборы.

Сорок восемь тысяч офицеров императорской армии выбрали остаться. С 1921 по 1937 год Генеральный штаб Красной армии возглавляли исключительно бывшие офицеры империи. Один из них написал книгу о том, как должен быть устроен этот штаб. По ней училось поколение, выигравшее величайшую войну в истории.

Уберите этих людей из русского XX века — и не будет ни советской военной школы, ни Генерального штаба как института, ни Победы 1945 года.

Вот что построил выбор 1917 года. Не лозунг, не идею и не миф — работающий институт, который через двадцать три года выдержал самую тяжёлую проверку, какая вообще выпадала русской армии.

И построил не только его. Из той же школы вышли военные академии, оперативное искусство как дисциплина, система штабной подготовки, по которой армия живёт до сих пор. Всё это делали люди, у которых по классовой логике не было ни одной причины это делать.

И это же — ответ тем, кто читает всю мою серию как перечень поломок. Поломки я разбираю потому, что было чему ломаться. Сначала построили.

Остаётся вопрос, и он для меня открытый.

Что на самом деле передаётся через поколения — устройство или люди?

Шапошников описал Генеральный штаб как институт: структуру, функции, порядок работы. Написанное пережило автора и работает до сих пор. Но написать это мог только тот, кто прошёл школу, которой к 1927 году уже не существовало ни в одной стране в прежнем виде.

Значит ли это, что институт способен хранить и передавать то, чего в живых людях уже нет? Или книга работала лишь до тех пор, пока были живы те, кто понимал её изнутри, — а дальше остались только буквы?

Он не дожил до Победы сорока четырёх дней. Проверку его работа прошла без него.

Шестой материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — две версии одного боя на Халхин-Голе и резолюция из двух слов, которой нет в архиве.

Победу на Халхин-Голе делали четверо. Трех потом вычеркнули

№ в серии: 17 из 233 · № в сезоне: 7 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 20.08.2026 · ЖЖ: 25.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Несокрушимая и легендарная

29 августа 1939 года командарму Григорию Штерну присвоили звание Героя Советского Союза за Халхин-Гол. Он руководил фронтовой группой, которой подчинялась армейская группа Жукова: на нём сходились снабжение, взаимодействие и общая координация. 7 июня 1941 года Штерн был арестован, 28 октября расстрелян под Куйбышевом. Из канонического рассказа о Халхин-Голе его имя выпало.

Спор об этой операции обычно ведут в ложной системе координат: гений против бездарности.

В такой рамке защитники Жукова выигрывают всегда, и заслуженно: операция на окружение в августе 1939 года была проведена, японская группировка разгромлена, результат неоспорим.

Но вопрос не в том, был ли Жуков способным командующим. Он был им. Вопрос в другом: как обошлись с теми, кто эту операцию готовил и обеспечивал вместе с ним и до него.

ЧЕТВЕРО

Комдив Николай Фекленко командовал 57-м особым корпусом в условиях, которые создал не Жуков: полупустыня, тысяча с лишним километров до ближайших баз снабжения на территории СССР, растянутые коммуникации. Базовая оценка обстановки складывалась при нём. В июне 1939 года Фекленко был смещён, и на его место прибыл Жуков.

Командарм Григорий Штерн стоял над фронтовым уровнем. Именно там сходились всё, без чего августовский успех был бы невозможен: подвоз, взаимодействие, стратегическая координация.

Комбриг Михаил Богданов был начальником штаба — сначала корпуса, затем 1-й армейской группы, в которую корпус преобразовали 19 июля 1939 года. На нём лежала оперативная разработка операции на окружение. Замысел двойного охвата, ставший потом образцом, рождался в штабной работе, а не в единоличном озарении командующего.

Комбриг Михаил Яковлев командовал 11-й танковой бригадой, брошенной в контрудар у горы Баин-Цаган.

Теперь — что стало с каждым.

БАИН-ЦАГАН: ДВЕ ВЕРСИИ ОДНОГО БОЯ

В начале июля 1939 года японские части форсировали Халхин-Гол и заняли господствующую высоту на западном берегу, создав угрозу флангу и тылу советско-монгольских войск. Жуков бросил в контрудар бригаду Яковлева.

Обвинительное прочтение: бригаду ввели с марша длиной от семидесяти до ста двадцати километров, без достаточной разведки, без артиллерийской подготовки и без пехотного сопровождения. По воспоминаниям танкистов, потери доходили до половины личного состава и техники. За это событие и закрепилось имя «Баин-Цаганское побоище».

Встречное прочтение обосновано не хуже. Стремительный бронетанковый контрудар сорвал укрепление японцев на западном берегу; по позднейшему признанию самого Жукова, после этого боя японцы больше не рисковали переправляться. Поле боя осталось за советскими войсками, и часть подбитых машин потом эвакуировали и восстановили.

Обе версии стоят рядом, потому что обе опираются на действительность: цена была настоящей, и результат был настоящим. Я не берусь решать за читателя, был ли контрудар оправдан.

Существенно другое: цена была заплачена чужой кровью.

Яковлев погиб 12 июля 1939 года — уже после самого Баин-Цаганского боя, в последующих июльских столкновениях. Звание Героя

Советского Союза ему присвоили посмертно, тем же указом от 29 августа. Бригада получила орден Ленина и его имя.

ЧТО СТАЛО С ОСТАЛЬНЫМИ

Богданов. Через пять месяцев после того, как его план разгромил японскую группировку, он возглавил советско-монгольскую делегацию в смешанной комиссии по демаркации границы. 1 марта 1940 года Военная коллегия Верховного суда осудила его на четыре года лагерей — за уступку, признанную ущербом престижу СССР. После начала войны он был амнистирован и закончил её генерал-майором, командиром дивизии.

Штерн. Звезда Героя в августе 1939-го. Арест 7 июня 1941-го. Расстрел 28 октября 1941-го. Реабилитирован посмертно в 1954 году, в звании Героя восстановлен в 1959-м — через восемнадцать лет после расстрела.

Штабной разработчик операции осуждён. Координатор расстрелян. Командир танковой бригады погиб. Командующий вознесён.

Августовский успех был коллективным продуктом — и именно как коллективный он был впоследствии присвоен одним.

РЕЗОЛЮЦИЯ ИЗ ДВУХ СЛОВ

Решающее произошло не на поле боя, а в обращении с памятью о нём.

По окончании боёв фронтовое управление составило обстоятельный отчёт об операции. В начале 1940 года его одобрил Генеральный штаб.

По свидетельству генерала Петра Григоренко, служившего тогда в аппарате, готовившем эти документы, отчёт не содержал ни прямых нападок на Жукова, ни прямых похвал Штерну — но всякий читавший понимал, кто чего стоил в этой операции.

Понял это и Жуков. По тому же свидетельству, едва став в феврале 1941 года начальником Генерального штаба, он затребовал отчёт и наложил на него короткую резолюцию: «В архив».

Здесь я обязана назвать доказательный статус точно, и он неоднозначен.

Это единичное мемуарное свидетельство. Сама резолюция в архивах не предъявлена. Свидетельство очевидца — но одного.

При этом оно согласуется с двумя независимо устанавливаемыми фактами: объективный отчёт в печать не вышел, а Штерн из канона Халхин-Гола выпал.

Если свидетельство верно, перед нами не черта характера, а поступок: человек, получив власть над институциональной памятью армии, первым делом убрал из обращения документ, где его собственная роль выглядела не единственной.

И ЕЩЁ ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ, КОТОРОМУ НЕЛЬЗЯ ВЕРИТЬ

Ту же черту предъявят Жукову публично — на Октябрьском пленуме ЦК в 1957 году, где Конев и другие обвинят его в систематическом переписывании истории войны под себя.

Это свидетельство нельзя принимать как нейтральный факт. Оно прозвучало из уст заинтересованной стороны, на расправе над уже поверженным маршалом, в обстановке, где обличение было санкционировано сверху.

Но и отбросить его нельзя. Указанная черта подтверждается независимо от пленумной риторики — самым способом, каким Халхин-Гол вошёл в канон, и резолюцией, засвидетельствованной за шестнадцать лет до всякого пленума.

ПОЧЕМУ ЭТО РАЗБОР НЕ ПРО БЕЗДАРНОСТЬ

Ключевое замечание, без которого весь текст читался бы как поклёп.

Присвоение чужой заслуги — не выбор бездарности. Это выбор способного человека, который свою несомненную способность ставит на службу собственному возвышению.

Бездарь не смог бы присвоить Халхин-Гол, потому что нечего было бы присваивать.

Жуков был волевым и результативным командующим, и именно поэтому случай показателен. Заслуга, превращённая в личный капитал, — первый маркер того типа выбора, который в этом сезоне будет разворачиваться дальше.

Остаётся вопрос, и он не про 1939 год.

Отделима ли заслуга от того, как человек с ней обошёлся?

Победа была одержана — это факт. Штерн, Богданов и Яковлев из рассказа о ней исчезли — это тоже факт. Что делать памяти с полководцем, который действительно выиграл и при этом присвоил сделанное другими: вычёркивать в свою очередь или держать обе части картины разом?

Мой ответ — держать обе, и потому этот текст устроен именно так. Но я понимаю, насколько неудобно так помнить.

Седьмой материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — один маршал прошёл арест 1937 года и отказался участвовать в разоблачении Сталина. Другой не проходил — и согласился.

Один прошёл тюрьму и отказался. Другой не проходил и согласился

№ в серии: 18 из 233 · № в сезоне: 8 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 22.08.2026 · ЖЖ: 27.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Несокрушимая и легендарная

22 октября 1956 года в ЦК Польской объединённой рабочей партии ушло письмо за подписью Хрущёва: советская сторона согласна со смещением Константина Рокоссовского с поста министра национальной обороны Польши и выводом его из Политбюро. Формулировка, ходившая тогда в Варшаве, была короткой — «символ сталинизма». Через день советские войска вошли в Венгрию.

Рокоссовский уехал в СССР и больше в Польшу не приезжал. Всё имущество, которое там оставалось, он раздал людям, его обслуживавшим.

Это был маршал двух стран — единственный в истории: Маршал Советского Союза с 1944 года и Маршал Польши с 1949-го. Человек, командовавший Парадом Победы 24 июня 1945 года на Красной площади.

А теперь — что у него было за спиной.

ПОЛТОРА МЕСЯЦА

27 июня 1937 года Рокоссовского исключили из партии «за потерю классовый бдительности». 22 июля уволили из РККА «по служебному несоответствию». 17 августа арестовали.

Обвинение: связи с польской и японской разведками. Следственное дело номер 25358-1937. Содержался во Внутренней тюрьме управления госбезопасности по Ленинградской области, на Шпалерной.

Два с половиной года под следствием. Освобождён 22 марта 1940 года в связи с прекращением дела, при ходатайстве Тимошенко; полностью восстановлен в правах, в должности и в партии.

Ложных показаний он не дал ни на себя, ни на других.

Полтора месяца ушло у системы на то, чтобы разобрать командира кавалерийского корпуса на составные части: партийный билет, погоны, свобода. Восстанавливала она его потом два с половиной года — и восстановила полностью.

Держите эту биографию в уме, потому что дальше всё строится на ней.

1956 ГОД: РАЗВИЛКА

Десталинизация поставила каждого маршала перед личным выбором: принять официальную линию или уклониться.

У Рокоссовского были все основания принять. Максимальные из возможных: он сам прошёл через арест и следствие, и никакой личной причины защищать прежний порядок у него не было.

Он не принял.

Разберу, что это значило практически. От маршалов не требовалось митинговать. Требовалось малое и почти незаметное: публикации, мемуары, выступления, в которых оценка военного руководства прошлых лет соответствовала бы новой рамке. Формально — работа с историей. Фактически — подпись под пересмотром того, что каждый из них прожил сам.

Отказ тоже не выглядел эффектно. Он выглядел как молчание.

РЕПЛИКА, КОТОРУЮ ЦИТИРУЮТ НЕПРАВИЛЬНО

Здесь надо остановиться, потому что в этом месте повторяют одно и то же, и повторяют неточно.

Знаменитый эпизод — отказ написать разоблачительную статью и ответ, что к Сталину он относится как к святому, — восходит к единственному источнику: рассказу маршала Голованова в передаче Феликса Чуева.

По тому же источнику реплика относится не к 1956 году, а к снятию Рокоссовского около 1962-го. И привязка её к «польскому кризису» — ошибка.

Это единичное мемуарное свидетельство, и опорой оно служить не может.

Поэтому опираюсь я не на реплику, а на служебную траекторию — она документируется и говорит громче.

ТРАЕКТОРИЯ ВНИЗ

1949–1956 годы — министр национальной обороны Польши, заместитель председателя Совета министров, член Политбюро ЦК ПОРП. Высшая точка.

Октябрь 1956-го — смещение, возвращение в СССР.

1956–1957 — заместитель министра обороны СССР. 1958–1962 — снова заместитель министра и главный инспектор Министерства обороны.

Апрель 1962 года — Группа генеральных инспекторов. Формально это признание заслуг заслуженных маршалов; фактически — почётный орган без оперативного управления. На военном жаргоне его звали «райской группой».

В ней он и оставался до смерти 3 августа 1968 года.

Ступенчатое, растянутое на шесть лет понижение — без единого скандала, без опалы, без единого публичного слова.

Обратите внимание на форму. Его не сняли, не разжаловали и не обвинили. Его перемещали — каждый раз чуть ниже, каждый раз с сохранением звания, оклада и почёта. Это и есть та самая аппаратная механика, которая пришла на смену прежней: проигравшего не уничтожают, его переводят.

КОНЕВ

Иван Конев в той же развилке выбрал противоположное.

Он официальную линию принял. Его публикации и мемуары несут критический заряд в оценке сталинского военного руководства, согласованный с десталинизационной рамкой. Пост первого заместителя министра обороны он сохранил.

Логика прозрачна и рациональна: когда инстанция, присваивающая статус, требует определённой позиции, принятие этой позиции статус сохраняет.

И здесь — вторая вещь, которую надо отбить, потому что она гуляет по литературе.

Распространённое утверждение об отдельной статье Конева 1956 года с тезисом о военной некомпетентности Сталина в доступных источниках в этом виде не подтверждается. Я его не воспроизвожу.

Зато документирован другой эпизод, и он точнее: статья Конева против Жукова в «Правде» от 3 ноября 1957 года — через несколько дней после снятия маршала с поста министра обороны.

Тот же Конев четырьмя годами раньше председательствовал в Специальном судебном присутствии по делу Берии. Одна и та же фигура в двух точках, и обе — оформление уже принятого наверху решения.

ПОЧЕМУ ЭТОТ КОНТРАСТ НЕСУЩИЙ

Он устраняет любую детерминистскую трактовку, и в этом его ценность.

Нельзя сказать, что дело в происхождении: оба — выдающиеся полководцы одного поколения и схожей формации.

Нельзя сказать, что репрессированные мстили, а нерепрессированные хранили верность: материал даёт ровно обратное. Тот, у кого были основания, отказался. Тот, у кого их не было, согласился.

Значит, корпус разделила не социология и не биография.

Разделил личный выбор — и больше ничего.

ЦЕНА

Стоит назвать и то, чем этот выбор оплачивался, потому что он оплачивался.

Соппротивление сохраняло человека, но не сохраняло его роли. Рокоссовский сохранил себя — и потерял влияние; к 1962 году он был почётной фигурой без единого рычага.

Система устроила так, что честь и влияние стали несовместимы. Это и есть, на мой взгляд, главный итог того транзита — более тяжёлый, чем любые кадровые перестановки.

Остаётся вопрос, и он не риторический.

Конев поступил рационально. В его положении почти любой поступил бы так же, и осуждать это легко только со стороны.

Вправе ли мы вообще требовать от человека, чтобы он выбирал честь против должности? Или требовать этого можно лишь от тех, кто сам согласился на такую мерку, — а остальным достаточно просто не лгать?

Я знаю, какой ответ мне ближе. Но знаю и то, что цену за него платят не мнением, а карьерой, и платят её не в переносном смысле.

Восьмой материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — почётный орган, куда стекались все несогласные, — и как он работал вместо опалы.

Райская группа: как несогласие обезвредили почётом

№ в серии: 19 из 233 · № в сезоне: 9 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 24.08.2026 · ЖЖ: 29.09.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Несокрушимая и легендарная

В декабре 1957 года Александр Михайлович Василевский был выведен из активного состава Вооружённых сил — формально по состоянию здоровья. Начальник Генерального штаба военных лет, планировавший операции от Сталинграда до Восточной Пруссии, военный министр в 1949–1953 годах, первый заместитель министра обороны при новом руководстве. Через полтора месяца появился орган, в который его зачислят.

Напомню, кто это был, потому что вес фигуры здесь решает всё.

Начальником Генерального штаба Василевский стал в июне 1942 года и оставался им до февраля 1945-го — то есть через него прошло планирование всего перелома войны. Маршалом Советского Союза он стал в феврале 1943-го, звания Героя Советского Союза удостоен дважды — в 1944-м и 1945-м. Летом 1945 года командовал советскими войсками на Дальнем Востоке. С 1949 по 1953 год — военный министр СССР.

Теперь о том, что предшествовало декабрю 1957-го.

В 1953–1956 годах Василевский был первым заместителем министра обороны. В хрущёвскую перестройку военной доктрины он не вписался и несогласие своё выразил единственным доступным способом — нарастающим дистанцированием.

Это стратегия, которую точнее всего назвать итальянской забастовкой: работа по форме при отказе от инициативного участия. Приказы исполняются, инициатива не проявляется, публичной поддержки курс не получает.

Здесь сразу оговорю границу, чтобы не сделать из него героя больше, чем он был. Василевский сопротивлялся общему вектору, а не

отказывался исполнять конкретные приказы с командного поста, — командного поста он к тому времени уже не занимал.

В декабре 1957-го его вывели. Формулировка — по состоянию здоровья.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ 149-63

30 января 1958 года Совет Министров СССР принял секретное постановление номер 149-63. Им была создана Группа генеральных инспекторов Министерства обороны.

Формулировку цели стоит прочесть медленно, потому что весь механизм в ней и лежит.

Орган создавался в целях использования опыта и знаний маршалов, адмиралов, генералов армии и генерал-полковников, достигших такого возраста, когда по состоянию здоровья и перспективам на дальнейшее использование они не могут продолжить работу с полной нагрузкой.

Два основания стоят через запятую, и они разной природы.

Состояние здоровья — обстоятельство. Его устанавливает медицина, и спорить с ним бессмысленно.

Перспективы на дальнейшее использование — решение. Его принимают люди, и никакой медицины для этого не требуется.

Соединив то и другое в одной формуле, документ дал администрации инструмент, при котором любое кадровое решение можно объявить заботой о здоровье. Возражать против такой заботы невозможно: возразивший выглядит человеком, который цепляется за должность.

КТО РЕШАЛ

Зачисление в Группу производилось специальным решением ЦК КПСС, а затем оформлялось приказом министра обороны.

То есть вопрос о выходе маршала из оперативного управления армией решался в партийном органе.

Это ровно та конструкция, о которой была вся первая часть моей серии: власть принадлежит держателю кадрового реестра, а не держателю силы. Здесь она предъявлена в чистом, почти лабораторном виде.

ЧТО СОХРАНЯЛОСЬ И ЧТО ИСЧЕЗАЛО

Сохранялось всё видимое. Звание. Оклад. Служебная машина. Кабинет — этажи на набережной, в двух шагах от главных командований. Почёт, обращение по званию, президиумы, мемуары, ордена к юбилеям.

Исчезало одно: возможность на что-либо влиять.

В Группе было по существу две должности, и обе не предполагали ни командования, ни принятия решений. Опыт и знания «использовались» — то есть спрашивались, когда хотели спросить.

В этом и состоит изящество конструкции. Опалы нет. Обвинения нет. Значит, нет и повода для сопротивления, нет мученика, нет сюжета, вокруг которого могли бы собраться недовольные.

Человека не снимают. Человека благодарят.

И появился этот инструмент не в вакууме. Группа была учреждена в разгар кампании массовых сокращений Вооружённых сил, коснувшейся и высшего командного состава. Сокращать требовалось многих и быстро, а увольнять маршала Победы простым приказом было политически невозможно. Механизм решал обе задачи разом: человек уходит из управления, но не из армии, и никто не оскорблён.

Дальше инструмент, созданный под конкретную задачу, остался и стал применяться по любому поводу — как это всегда и бывает с удобными инструментами.

ДВА ПУТИ, ОДИН ИСХОД

Василевский дистанцировался тихо и был выведен раньше других — в декабре 1957-го, за полтора месяца до появления самого органа. Генеральным инспектором он стал в январе 1959 года.

Рокоссовский держался дольше и понижался ступенчато: заместитель министра, главный инспектор, и только в апреле 1962-го — Группа генеральных инспекторов.

Разные темпераменты, разные стратегии, разная скорость.

Исход идентичен: сохранение чести и обнуление влияния.

И вот следствие, которое я считаю главным итогом всего того транзита — более тяжёлым, чем любые перестановки в верхах.

Система устроила так, что честь и влияние стали несовместимы.

Остаться при своём мнении было можно. Оставаться при своём мнении и при рычагах — нельзя.

ЧТО ОНИ ПРОПУСТИЛИ

Стоит назвать и цену этого решения для страны, потому что она измерима.

Основной массив преобразований, против которых оба возражали, пришёлся на время, когда они уже сидели в почётных кабинетах. Крупнейшее послевоенное сокращение Вооружённых сил объявили в январе 1960 года. Тогда же сворачивались программы надводного флота.

Люди, чей профессиональный опыт был релевантнее всех, наблюдали за этим с позиции отстранённых инспекторов, чьё мнение спрашивали, когда хотели спросить.

Группа генеральных инспекторов просуществовала тридцать четыре года — с января 1958-го по январь 1992-го. Упразднена она была указом от 11 января 1992 года; одним этим документом в отставку отправили пятьдесят три человека — маршалов родов войск, генералов армии, адмиралов флота.

Орган, созданный для того, чтобы почётно выводить военачальников из управления страной, пережил саму страну на две недели.

Остаётся вопрос, и я задаю его без ответа.

Существует ли вообще форма несогласия, которую нельзя обезвредить почётом?

Открытый бунт снимается уставом. Отказ выполнять приказ снимается трибуналом. Тихое дистанцирование снимается благодарностью и почётной должностью — причём снимается чище всего, потому что не оставляет ни следа, ни жертвы, ни повода для разговора.

Я вижу здесь только один выход, и он неудовлетворительный: заранее устроить так, чтобы влияние не зависело от должности. Но как это сделать в армии, я не знаю — армия и есть должности.

Девятый материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — беспартийный полковник императорской армии почти пять лет командовал всеми вооружёнными силами Республики. Его забыли дважды.

Пятеро его подчинённых стали маршалами. Он остался командармом

№ в серии: 20 из 233 · № в сезоне: 10 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 26.08.2026 · ЖЖ: 01.10.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Несокрушимая и легендарная

20 ноября 1935 года Сергею Сергеевичу Каменеву присвоили звание командарма 1-го ранга. В том же году пятеро военачальников, воевавших в Гражданскую под его общим командованием — Ворошилов, Будённый, Блюхер, Егоров и Тухачевский, — получили звание выше: Маршал Советского Союза.

Сначала о том, кем он был, потому что имя это сегодня почти никому ничего не говорит.

Сергей Каменев родился в Киеве в 1881 году, в дворянской семье военного инженера — полковника артиллерии. Киевский кадетский корпус, Александровское военное училище в Москве, затем Академия Генерального штаба.

Полковником Генерального штаба стал 6 декабря 1915 года.

Награды императорского времени: орден Святого Станислава третьей степени в 1912-м, орден Святой Анны третьей степени в марте 1915-го, орден Святого Владимира четвёртой степени с мечами и бантом — тогда же, орден Святого Станислава второй степени в апреле 1915-го, орден Святой Анны второй степени с мечами.

Обычная биография кадрового офицера империи: к 1917 году ему тридцать шесть, за плечами девятнадцать лет службы и три года мировой войны на штабных должностях.

И вот что из этой биографии вышло дальше.

ВЫСШАЯ ДОЛЖНОСТЬ В СТРАНЕ

8 июля 1919 года Каменев был назначен главнокомандующим всеми вооружёнными силами Республики. Он занимал этот пост до апреля 1924

года — четыре года и девять месяцев.

До этого он руководил наступлением на Волге и Урале, против армий Колчака, — там его как командующего и заметили. На посту главкома он сменил Иоакима Вацетиса; по распространённой в литературе версии, замена произошла по предложению члена Реввоенсовета Смильги, но версия эта именно версия, а не установленный факт, и подавать её иначе я не стану.

За пять лет через его руки прошло всё: Восточный фронт, разгром Колчака, кампания против Деникина и Врангеля, война с Польшей, операции в Средней Азии. Он не был публичной фигурой и не искал ею стать — работал в штабе.

А теперь главное обстоятельство, ради которого этот сюжет вообще стоит рассказывать.

Каменев был беспартийным.

Человек без партийного билета, полковник царской армии, дворянин — командовал всеми вооружёнными силами советского государства почти пять лет. Это была высшая должность, на которую в принципе мог рассчитывать беспартийный военный специалист, и он её занимал.

В партию его приняли только в 1930 году — когда находиться на высоких постах беспартийным стало уже нельзя.

СТРОЧКА ИЗ ПАРТИЙНОГО ДОКУМЕНТА

В октябре 1923 года члены Политбюро отвечали на письмо Троцкого о положении дел в военном ведомстве. В ответе есть фраза, которую стоит прочитать внимательно.

Основная работа в Реввоенсовете, говорится там, находится в руках группы беспартийных спецов — и дальше три фамилии: Каменев, Шапошников, Лебедев.

Два из этих трёх имён читателям этого сезона уже знакомы. Лебедев — генерал-майор Генерального штаба империи, потомственный дворянин, построивший советский Генштаб как институт. Шапошников —

полковник империи, написавший книгу, по которой это командование училось.

В 1923 году руководство партии констатирует, что военное дело в стране держится на группе беспартийных офицеров старой армии. Констатирует спокойно, как рабочее обстоятельство.

Вот что было построено выбором 1917 года — и вот на чём оно держалось.

ОБ ОДНОМ РАСХОЖЕМ СЮЖЕТЕ

В советских изложениях непременно указывалось: Ленин очень ценил Каменева, а Троцкий его притеснял.

С этим есть трудность. Сам Троцкий в мемуарах Каменева скорее хвалил, отмечая при этом его недостатки, — и он же писал, что Ленин в нём быстро разочаровался.

Обе версии опираются на заинтересованные источники, и обе объясняют больше, чем могут доказать. Я не пользуюсь ни той, ни другой: для сюжета достаточно должности и срока, которые документируются.

МИРНАЯ РАБОТА

После 1924 года Каменев был начальником Главного управления РККА, затем заместителем наркома по военным и морским делам.

Занимался он и вещами, к военному ведомству прямо не относящимися. Был одним из организаторов Осоавиахима. Много работал по освоению Арктики: участвовал в организации помощи итальянской экспедиции Умберто Нобиле и спасательной операции для зажатого льдами «Челюскина».

Здесь стоит задержаться. Человек, командовавший всеми вооружёнными силами в войне, где погибли миллионы, последние годы жизни занимался тем, чтобы вытащить со льда полярников — своих и чужих. Итальянская экспедиция, к которой он организовывал помощь,

шла под флагом страны, где к тому времени уже несколько лет была у власти фашистская партия. Это ему не помешало.

Умер 25 августа 1936 года в Москве, от сердечного приступа, пятидесяти пяти лет.

Урна с прахом была с воинскими почестями захоронена в Кремлёвской стене.

КАК ЕГО ЗАБЫЛИ ДВАЖДЫ

Первый раз — вычеркнули.

Через несколько месяцев после смерти, на волне чисток в армии, Каменев был посмертно обвинён в участии в «военно-фашистском заговоре». Имя убрали из энциклопедий, книги и статьи изъяли. Улица в Киеве, названная в его честь в 1936 году, была переименована в 1937-м — она носила его имя около года.

Прах при этом остался в Кремлёвской стене. Он там и сейчас.

Полностью реабилитирован Каменев был по результатам XX съезда — то есть двадцать лет спустя.

Второй раз — перепутали.

И это оказалось прочнее любой клеветы.

В те же годы существовал политик Лев Каменев, он же Розенфельд — соратник Ленина, участник внутривластной борьбы, фигурант больших процессов тридцатых годов. Однофамилец, и не более того.

Их путали современники. Их путают до сих пор. Человек, командовавший победоносной армией Гражданской войны, для массового читателя слился с политиком, к которому не имел никакого отношения.

Забыт дважды: один раз по решению, другой раз по недоразумению. Второе оказалось долговечнее.

Остаётся вопрос, и он для меня не праздный, потому что вся моя работа — попытка на него ответить делом.

Что надёжнее хранит человека — то, что сделано, или то, что записано?

Каменев командовал армией страны почти пять лет и лежит в Кремлёвской стене. И при этом его нет ни в массовой памяти, ни в списке имён, которые назовёт обычный человек, если спросить его о Гражданской войне.

Строчка в энциклопедии оказалась сильнее праха в стене: убрали строчку — исчез человек, вернули — вернулся не полностью.

Значит ли это, что память есть исключительно вопрос того, кто держит перо? Или всё-таки существует что-то, что переживает и вычёркивание, и путаницу, — и тогда что именно?

Десятый материал сезона «Парадокс выбора», всего 11. В следующий раз — «Трое суток, за которые не отдали ни одного приказа».

Трое суток, за которые не отдали ни одного приказа

№ в серии: 21 из 233 · № в сезоне: 11 из 11 · Сезон: 2 «Парадокс выбора» · Дзен: 28.08.2026 · ЖЖ: 03.10.2026 · Теги: Историческая Россия, Парадокс выбора, Рука Москвы, Несокрушимая и легендарная

Вечером 19 августа 1991 года в пресс-центре МИД СССР шла прямая трансляция на весь мир. За столом сидели люди, объявившие утром о переходе к ним всей полноты власти в ядерной сверхдержаве. Камеры взяли крупным планом руки исполняющего обязанности президента СССР Геннадия Янаева — и руки дрожали. Эту дрожь в тот вечер увидели сотни миллионов.

Через двое суток комитет, за спиной которого стояли сильнейшая армия планеты, сильнейшая спецслужба, внутренние войска и стратегический арсенал, самораспустился и полетел сдаваться президенту, которого сам же блокировал.

Прежде чем разбирать почему, надо очистить вопрос от двух неточностей, которые делают его риторическим.

ДВЕ ФОРМУЛЫ, КОТОРЫЕ НЕВЕРНЫ

«Сдали без единого выстрела». Неверно буквально.

Выстрелы были. Тбилиси, 9 апреля 1989 года. Вильнюс, 13 января 1991-го — там погибли гражданские и офицер группы «А» Виктор Шатских, убитый выстрелом в спину. Москва, ночь на 21 августа 1991 года — Дмитрий Комарь, Владимир Усов, Илья Кричевский.

«Не выступили». Неверно институционально.

Государственный комитет по чрезвычайному положению возглавляли, в числе прочих, председатель КГБ СССР Крючков и министр обороны СССР Язов. Выступление было предпринято с самого верха обоих силовых институтов, с введением войск в столицу.

Обе неточности стоит держать в голове, потому что они работают в противоположные стороны и обе мешают думать. Первая превращает август в предательство по площади: раз никто не стрелял, значит, все продались. Вторая превращает его в трагедию без виновных: раз выступили, значит, сделали что могли.

Ни то ни другое не выдерживает проверки датами.

Значит, вопрос звучит иначе, и в такой формулировке у него есть ответ.

Почему, даже выступив, они оказались неспособны защитить?

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРИЕХАЛ САМ

Ответ проще всего увидеть на одной биографии — и это биография человека, который в комитет не входил.

Маршал Сергей Фёдорович Ахромеев, бывший начальник Генерального штаба, советник президента СССР, в начале августа 1991 года был в отпуске в Сочи. Утром 19 августа он узнал о создании комитета так же, как вся страна, — из телевизора.

Он немедленно отправился в Москву по собственной инициативе. В тот же день, к шести вечера, был в Кремле на своём рабочем месте. В восемь встретился с Янаевым, сказал, что согласен с обращением комитета к гражданам, и предложил свои услуги.

Никто его не вызывал. Никто ему не приказывал. Из всех помощников и советников президента СССР он оказался единственным, кто поддержал выступление активно.

Дальше начинается самое существенное.

Работа, в которую он включился, оказалась имитацией. Решения не принимались, приказы не отдавались, распоряжения не доводились. Человек, тридцать лет проработавший в системе, где приказ есть приказ, обнаружил, что отдавать его некому и незачем.

21 августа всё кончилось.

Его не арестовывали и не планировали арестовывать: максимум, что ему грозило, — отставка. 24 августа 1991 года в девять вечера с минутами

маршал Ахромеев был найден мёртвым в своём служебном кабинете в Кремле. Он покончил с собой; первая попытка в тот же день не удалась, и после неё он написал записку, проработал день и принимал посетителей.

На столе следователи нашли несколько писем разным адресатам. В одном из них — фраза, которую с тех пор цитируют чаще всего: он не может жить, когда гибнет его Отечество и уничтожается всё, что он считал смыслом своей жизни.

Оговорю границу. Не все исследователи принимают версию самоубийства; указывают на несостыковки в деле. Официальная версия документирована материалами следствия, альтернативная опирается на противоречия и прямых доказательств не имеет. Я оставляю вопрос открытым.

Отдельным фактом, который трудно комментировать: в сентябре 1991 года его могила была разрыта.

ЧТО ИМЕННО ОТКАЗАЛО

Теперь — механизм, ради которого весь этот сезон и писался.

Институты были на месте. Армия существовала, органы существовали, войска вошли в столицу, приказ о введении чрезвычайного положения был издан.

Не оказалось людей, способных принять решение и нести за него ответственность.

И это не свойство поколения и не случайность подбора. Это результат отбора, который шёл десятилетиями и который я разбирала весь сезон по отдельным узлам.

Тот, кто присваивал чужую заслугу, поднимался. Тот, кто отказывался подписывать пересмотр прожитого, ступенчато понижался. Тот, кто дистанцировался тихо, отправлялся в почётный орган с сохранением звания и оклада.

Каждое из этих решений по отдельности выглядело кадровой мелочью. В сумме за тридцать лет они сформировали корпус людей, отлично

умеющих исполнять и не умеющих решать.

В августе 1991 года решать было нужно — а некому.

Дрожащие руки в прямом эфире не были личной слабостью одного человека. Они были рентгеновским снимком отбора.

И провал комитета — не алиби для институтов, а диагноз им. Выступление, предпринятое с вершины двух сильнейших ведомств планеты и не нашедшее в себе ни воли к решению, ни готовности нести ответственность, доказывает не наличие защиты, а её невозможность. Защищать было некому не по штатному расписанию, а по человеческому составу.

Обратите внимание и на то, как это соотносится с сюжетом об Ахромееве. Единственный, кто приехал по своей воле, не был членом комитета — и он же единственный, кто в итоге ответил за происшедшее лично. Те, кто выступал по должности, ответили как положено: заявлениями, следствием, амнистией 1994 года.

И ЕЩЁ ОДНА ЦИФРА

17 марта 1991 года на всесоюзном референдуме за сохранение Союза высказались 76,4 процента проголосовавших.

В декабре того же года государство было прекращено тремя подписями.

Между волеизъявлением и роспуском прошло девять месяцев. Ни одна дивизия не двинулась, ни один орган не возбудил дела, ни один маршал не сказал «нет» так, чтобы это «нет» имело силу.

На этом сезон заканчивается, и заканчивается он вопросом, ответа на который у меня нет.

Способность самостоятельно решать и отвечать вынимается из корпуса за тридцать лет — это я показала на конкретных людях и датах.

А за сколько она восстанавливается? И восстанавливается ли вообще сама собой — или её надо строить заново так же, как строили

Генеральный штаб в двадцатые: с нуля, руками тех немногих, кто ещё помнит, как это делается?

Слащёв вернулся под расстрел. Брусилов подписал воззвание, потеряв сына. Шапошников описал институт, который через двадцать лет выиграл войну. Каменев командовал армией страны, не имея партийного билета.

Все они делали выбор, за который могли заплатить, и платили.

В августе 1991 года выбор тоже был. Просто выбирать оказалось некому.

Одиннадцатый, заключительный материал сезона «Парадокс выбора». Сезон окончен. Следующий — «Щит и меч».

СЕЗОН 3 · «ЩИТ И МЕЧ»

Материалов в сезоне: 11 · **Сквозные №:** 22–32 · **Дзен:** 29.08.2026 — 17.09.2026 · **ЖЖ:** 05.10.2026 — 25.10.2026